УДК 81.42+324

ББК 81+66.04

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-96-117

Научная статья

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНВЕРГЕНТНОГО ПРОСТРАНСТВА КОНСТРУКТА УГРОЗЫ

Романов Алексей Аркадьевич

Тверская государственная сельскохозяйственная академия,

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Новоселова Ольга Владимировна

Тверская государственная сельскохозяйственная академия,

Тверь, Россия

Аннотация

Статья посвящена разработке коммуникативного менасивного конструкта угрозы как когнитивного инструмента, базиса или способа истолкования и интерпретации, при помощи которого носитель языка может оценивать высказывания-угрозы, способные в силу своих манифестационных и функционально-семантических свойств оказывать различное воздействие на эмоциональное состояние собеседников и формировать у них переживания определенной интенсивности. Разработка коммуникативного конструкта угрозы позволяет определять лингвистические параметры семантического пространства вербальной угрозы в условиях социального взаимодействия собеседников и фиксировать в этом пространстве содержательные элементы, формирующие в ментальном пространстве языковой личности как когнитивного агента представление о вербальной угрозе.

В ходе исследования было показано, что коммуникативный конструкт угрозы включает в себя череду высказываний в виде естественно-языковых социальных практик, выраженных в процессе дискурсивной интеракции и связанных с изменением эмоционального состояния адресата в объеме континуума содержания от диспозиции «комфортное состояние» до диспозиции «дискомфортное состояние». Набор возможных диспозиций эмоционального состояния Я-адресанта и Я-адресата высказывания-угрозы, зафиксированный в структурной организации менасивного конструкта, формирует функционально-семантическое пространство вербальной угрозы, позволяя утверждать, что практически любое высказывание со значением угрозы, реализованное в социальном взаимодействии, являет собой одну из возможных диспозиций Я-говорящего и Я-слушающего на континууме содержания менасивного конструкта, в то время как менасивный конструкт представляет собой набор возможных диспозиций эмоциональных состояний – Я-адресанта и Я-адресата угрозы.

Применение коммуникативного конструкта открывает возможности для интерпретации воздействия менасивных высказываний, а полученные результаты могут быть использованы для прогнозирования прагматического воздействия менасивов на единичного или массового адресата. Рассмотрение вербальных проявлений угрозы как коммуникативного конструкта позволяет оценить не только интенсивную глубину воздействия высказываний-угроз на участников социальной интеракции, но и

интерпретировать направления оказываемого воздействия в рамках типового сценария угрозы.

Ключевые слова: вербальная угроза, менасивные высказывания, коммуникативный конструктор угрозы, прагматическое воздействие, эмоциональное состояние

*Светлой памяти
Юрия Александровича Сорокина
посвящается*

Введение

В различных сферах деятельности носители языка регулярно встречаются с вербальными угрозами (также: высказываниями-угрозами, высказываниями со значением угрозы или менасивами). При этом, результаты исследований свидетельствуют о том, что в ментальном (консциентальном) пространстве языковой личности имеется комплексное – во многом субъективное – представление о вербальной угрозе, основанное на логической связи антецедентно-консеквентной природы между возможными санкционными последствиями для объекта воздействия и совершением объектом воздействия каузируемых действий с целью избежать таких последствий или нивелировать их отрицательное воздействие [Романов, Новоселова 2021]. Иначе говоря, в ментальном пространстве языковой личности как «стерильного собеседника» [Wunderlich 1975: 12-13; Beck 1980: 20; Nowak 1981: 94] потенциально представлена информация о наборе санкционных действий, каждое из которых может быть задействовано в определенном жизненном сценарии. Помимо этого, языковая личность обладает знанием о том, что в типовой ситуации «угроза» у объекта воздействия есть возможность избежать наступления негативных последствий, выполнив каузируемые действия.

Не вызывает сомнений, что представления носителей языка о феномене вербальной угрозы определенным образом структурируются в их ментальном пространстве, объединяются [Langacker 1987] и им «приписывается когнитивная структура, которая задает в каком-то смысле все значения сразу, но ни одного из реальных значений не описывает» [Падучева 2004: 16]; ср. также сенсомоторные и концептуальные структуры в: [Пиаже, 2004], а языковая личность обращается к таким ментальным (когнитивным) структурам, хранящимся в ее «семантической памяти» [Солсо 1996] при каждой встрече с той или иной вербальной угрозой в контексте социального взаимодействия. В этой связи есть все основания полагать, что участники социальной интеракции обладают когнитивной способностью осознавать и интерпретировать каждый конкретный случай вербальной репрезентации угрозы на фоне языковых, энциклопедических, социокультурных, логических и иллюкативных знаний о различных вариантах санкционного воздействия, а также оценивать возможность избежать такого воздействия, выполнив каузируемые действия [подробнее о типах знаний см.: Романов 1988: 101; 1991].

Тем не менее, совокупный объем отдельных представлений носителей языка о феномене вербальной угрозы не позволяет отразить (вскрыть) когнитивный (ментальный) механизм, используемый носителем языка для интерпретации и оценки вербальной угрозы, репрезентированной в контексте социального взаимодействия при помощи различных языковых средств и ориентированной на оказание определенного

прагматического воздействия на объект. Следовательно, субъективные представления языковой личности о возможной репрезентации вербальной угрозы не позволяют сформировать базис или способ истолкования, на основе которого когнитивный агент осуществляет оперирование феноменом вербальной угрозы в условиях социальной интеракции.

Указанные обстоятельства, а также недостаточное теоретическое осмысление когнитивной специфики феномена вербальной угрозы поднимают вопрос о том, как человек «измеряет» и классифицирует угрозы «на всех уровнях проявления когнитивной способности и его коммуникативной активности в типовых сценариях жизнедеятельности, какими критериями он пользуется» [Романова 2009: 16], а также, какие признаки вербальных угроз существуют с точки зрения носителей языка и картины мира. В этой связи вполне закономерно возникает необходимость поиска методологического подхода, с помощью которого было бы возможно не только описать отдельные знания (представления) носителей языка о вербальной угрозе, но и определенным образом упорядочить и классифицировать такие представления с учетом совокупного объема семантических признаков вербальной угрозы. В частности, важно отыскать такой адекватный когнитивный (смысловой) инструмент, который позволит исследовать процесс отображения угрозы в ментальном пространстве когнитивного агента, а также определить, к каким ментальным структурам он обращается при встрече с угрозой в контексте дискурсивного взаимодействия, как он интерпретирует, структурирует (упорядочивает) и осмысляет (оценивает) угрозу. Иными словами, целесообразно вскрыть лингвокогнитивный (когнитивно-дискурсивный) механизм проявления феномена вербальной угрозы в обыденных сценариях жизнедеятельности, на основе которого происходит оперирование угрозой участниками таких сценариев в пространстве социальной интеракции.

Методология

В выбранном ракурсе рассуждений, затрагивающем когнитивную специфику феномена вербальной угрозы и проблему ее толкования в пространстве социального взаимодействия или в формах жизни [Wittgenstein 1953], представляется перспективным обратиться к опыту когнитивных изысканий с позиций новой гуманитарно-научной парадигмы *конструктивизма* или *конструктивистской парадигмы*, которая формируется в последние годы эпохи постмодернизма в лингвистике, философии, психологии и социологии [Герген 2016; Джерджен 2003; 2016; Касавин 2007; Келли 2000; Пиаже 2004; Романов, Романова 2005; 2009; Романов, Немец 2006; Улановский 2010; Шюц 2003; Watzlawick 1981].

Так, согласно основным теоретическим положениям ряда современных работ конструктивистского (когнитивного) направления в психологии [Келли 2000], для осмысления, структурирования и упорядочения вербальных угроз предлагается использовать такой смысловой инструмент как **конструкт**, являющий собой способ истолкования мира, «трактовку ментальной репрезентации как специфического языка мышления» [Петров 1990: 228], «смысловую единицу более высокого уровня, чем понятие, которая используется для интерпретации, оценки и прогнозирования событий окружающего мира, своего поведения и поведения других людей» [Романов, Немец 2006]. Конструкт в отличие от понятия (и концепта), обозначающего «существенное свойство относимых к нему вещей», представляет собой «толковательный акт»

[Келли 2000], «который человек создает для предсказания событий и через которые он воспринимает мир» [Улановский 2010: 283].

Примечательно, что безграничный потенциал конструкционистской социальной психологии, не имеющий «ни дисциплинарных границ, ни фиксированных заранее параметров исследования» [Джерджен 2003: 45] способствовал проникновению идей и методологии гуманитарно-научной парадигмы конструктивизма в область лингвистических исследований. Более того, теоретико-методологические основания конструктивистской парадигмы оказались востребованными в среде ученых-лингвистов в свете смещения исследовательских интересов последних десятилетий «с содержательно-формальных (грамматических) характеристик вербального (перформативного) поведения на действенный характер таких дискурсивных социальных практик в сценариях жизни индивидов» [Романов 2016], а также необходимости выхода за пределы имманентной, внутренней лингвистики, чтобы описывать язык с учетом его реального функционирования в обществе, а не ограничиваться анализом «коммуникативных единиц на уровне языка-речи» [Колшанский 1984: 170-171].

Исследовательский интерес к «социальной реализации типовых дискурсивных практик как социальных действий» [Романов, Романова 2011] способствовал формированию и становлению в рамках функциональной парадигмы отдельного направления *коммуникативного (диалогического) конструктивизма*, предложенного и разработанного представителями Тверской научной школы динамической модели регулятивного общения под руководством профессора Романова А.А. [Романов 1988; 2020; 2016; Романов, Немец 2006; Романов, Новоселова 2013; 2021; Романов, Романова 2005; Романова 2009; Romanov, Novoselova 2021]. Обозначенный подход помещает в фокус лингвистических исследований «языковую личность как субъект речевой (дискурсивной) деятельности и как когнитивный агент языкового сознания в эпистемологическом пространстве жизнедеятельности» [Романов, Романова 2009: 16-17; ср. также утверждение Ж. Деррида о том, что «ничто не существует вне текста»: Деррида 1999: 121-130], а также формируется интерес к описанию «человеческого фактора» в ситуации интерактивного взаимодействия по различным типовым сценариям.

Оперируя в работе понятием «коммуникативный конструкт», следует уточнить, что под коммуникативным конструктом понимается адекватный когнитивный инструмент, при помощи которого языковая личность интерпретирует, структурирует (упорядочивает) и осмысляет (оценивает) вербальную угрозу. В выбранном ракурсе рассуждений становится понятным, что коммуникативный конструкт, имеющий «конгруэнцию со структурами сознания в ментальном пространстве» [Романов 2016], позволяет использовать его в качестве способа истолкования или когнитивного (смыслового) инструмента, с помощью которого можно не только описать отдельные знания (представления) носителей языка о вербальной угрозе, но и определенным образом упорядочить и классифицировать такие представления с учетом совокупного объема ее семантических признаков.

Кроме того, на целесообразность применения коммуникативного конструкта для описания вербальной угрозы указывает и то обстоятельство, что угроза представляет собой достаточно сложную ситуацию, содержащую указание на возможность наступления негативных последствий для объекта воздействия, а также указание на возможность объекта избежать наступления таких последствий в случае выполнения

каузируемых действий, например: “*If you don’t beg my pardon, directly, or I’ll make it the worse for you*” [Collins 2021]; “*If you touch me with that whip I’ll take things into my own hands*” [Dreiser 2021]; “*But don’t move a step forward, or your life is not worth a bulrush*” [Dickens 2021]. Иначе говоря, в содержательном объеме вербальной угрозы зафиксирован **набор контрарных элементов**, который формирует функционально-когнитивную структуру (рамку, фрейм) угрозы в ментальном пространстве носителя языка. В частности, упоминание говорящим о наступлении негативных последствий способствует формированию дискомфортных эмоциональных переживаний у адресата воздействия, в то время как вербализация условия, при котором у адресата появляется возможность избежать негативных последствий, нейтрализует интенсивную «глубину» его дискомфортных переживаний [Романов, Новоселова 2021]. Поэтому есть все основания утверждать, что конструкт как дихотомическая структура в духе идей Дж. Келли [2000] – это наиболее подходящий (адекватный) когнитивный (смысловой) инструмент, позволяющий описать, как когнитивный агент осуществляет оперирование феноменом угрозы, основанном на дихотомии наказания и возможности его избежать, как отображается угроза в его ментальном пространстве, а также к каким ментальным структурам он обращается при встрече с вербальной угрозой в контексте социального взаимодействия.

В силу сказанного представляется очевидным, что для вскрытия лингвокогнитивного (когнитивно-дискурсивного) механизма проявления феномена вербальной угрозы в пространстве обыденных сценариев жизнедеятельности, на основе которого происходит оперирование угрозой участниками таких сценариев в социальной интеракции, необходимо построить и описать такой когнитивный феномен как **коммуникативный конструкт угрозы**, или менасивный коммуникативный конструкт. Предлагаемый конструкт позволит не только отобразить границы семантического пространства вербальной угрозы в условиях социального взаимодействия и структурировать признаки вербальной угрозы в ментальном пространстве когнитивного агента, но и установить, как он интерпретирует, структурирует (упорядочивает) и осмысляет (оценивает) дискурсивные проявления угрозы в условиях социального взаимодействия. Вполне очевидно, что в выбранном ракурсе исследования вербальные проявления угрозы в виде дискурсивных менасивных практик будут рассматриваться как «конструкты вновь создаваемой коммуникативной реальности, отражающие весь спектр регулятивных отношений между участниками социальной интеракции» [Романов, Романова 2009: 22], а исследование будет направлено на установление того, как в коммуникативном пространстве угрозы формируется конвергентная *конструктивная реальность* говорящего и слушающего при помощи вербальной угрозы и как взаимодействуют эти реальности: реальность, связанная с возможностью наступления негативных последствий для объекта воздействия (слушающего), и реальность, предоставляющая ему возможность избежать наступления таких последствий.

Коммуникативный конструкт угрозы и принципы его организации

Принимая во внимание то обстоятельство, что угроза – в вербальном или невербальном проявлении – способна выводить собеседников из состояния комфорта и формировать широкий диапазон их эмоциональных переживаний [ср.: Берковиц 2001; Изард 1999; Римап 1999; Симонов 1981; Фрейд 1989], имеются достаточные основания для того, чтобы рассматривать коммуникативный менасивный конструкт

«как определенный тип отношений между такими оценочными понятиями контрарного порядка как *комфортное* эмоциональное состояние и *дискомфортное* эмоциональное состояние» [о личностном мире внутренних состояний см.: Романов, Немец 2006; Романов, Сорокин 2004; 2008; Сорокин, 2009]. При обозначенном подходе становится понятным, что коммуникативный конструкт угрозы будет включать в свой содержательный объем вербальные проявления угрозы в виде отдельных высказываний-угроз или дискурсивных практик-угроз, которые формируют у участников типового взаимодействия различные эмоциональные состояния, находящиеся в диапазоне лимнологического пространства между комфортом и ощущением дискомфорта.

Вполне очевидно, что для построения коммуникативного конструкта угрозы следует зафиксировать и упорядочить различные эмоциональные состояния, которые формируют высказывания-угрозы. В частности, важно установить соответствия между представлениями носителей языка о вербальной угрозе и влиянием этих представлений на оценку эмоционального (также прагма-эмоционального) воздействия той или иной вербальной угрозы в пространстве социального взаимодействия. Иными словами, необходимо установить соотношение между высказываниями-угрозами, обладающими теми или иными манифестационными и функционально-семантическими свойствами, и их прагма-эмоциональным воздействием на адресата, которое проявляется в формировании у него определенного эмоционального состояния в диапазоне применимости коммуникативного конструкта угрозы – между комфортом и дискомфортом.

Безусловно, предлагаемое построение коммуникативного конструкта являет собой достаточно сложную задачу, так как, согласно К. Гергену, «попытки определить эмоции или выделить их характер сопровождают западную науку больше последних двух тысяч лет» [2016: 155]. При этом, К. Герген отмечает, что представители гуманитарной науки не сомневаются в существовании эмоций, однако ученый обращает внимание на разногласия в их взглядах на характер эмоций, указывая на пятнадцать эмоциональных состояний в работах Аристотеля, шесть «аффективных» и пять «духовных» эмоций в работе «Сумма теологии» Фомы Аквинского, а также на шесть главных «страстей души» у Декарта, десять «основных страстей человеческой природы» у Дэвида Хартли и десять конкретных эмоциональных состояний у Томкинса и Изарда [подробнее см.: Герген 2016: 155].

Однако, учитывая то обстоятельство, что высказывания «точно отражают эмоциональную установку говорящего человека, позволяя поразительно быстро познать образ его мыслей и манеру переживаний» [Романов 1995: 156], представляется возможным распознать эмоциональное состояние адресанта и адресата высказывания-угрозы, реализованного в пространстве социальной интеракции. В этой связи следует отметить, что первые попытки распознать, на какой именно аффективной ступени – одобрение или неодобрение – находятся партнеры по общению, были предприняты в работе А.А. Романова [1995: 156-160], в которой автор исходит из того, что по речевым оборотам собеседника, в частности, «по повторению не несущих информацию аффективных слов» можно определить эмоциональную установку говорящего, полагая, что языковые средства поверхностной манифестации коммуникативного намерения уже отражают эмоциональное состояние говорящего.

В русле сказанного важно констатировать, что в ментальном пространстве носителей языка представление о вербальной угрозе отражается в виде определенной

иерархической системы содержательных (также семантических) характеристик. В частности, дефиниционный анализ вербального репрезентанта угрозы в английском языке – глагольной лексемы «*threaten*» – позволяет выявить интегративный инвариантный (гиперонимический) компонент «*наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо*» (также интегративный компонент менасивности), который объединяет все значения глагола и включает в свой содержательный объем негативные последствия, исходящие как от одушевленного предмета и отражающие его целенаправленную деятельность по причинению кому-либо морального и / или физического вреда, так и негативные последствия, которые содержатся в определенной ситуации (состоянии, положении дел) или порождаются неодушевленным предметом [CACD, URL; LDCE, URL; OAAD, URL; WNWCD, URL].

При этом, дефиниционный анализ показывает, что вариантами интегративного гиперонимического компонента «наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо» являются 6 сем, которые могут быть расположены по принципу увеличения интенсивности проявления негативных последствий для объекта воздействия и детальной конкретизации их семантического объема в следующем порядке: (а) сема «источник возможной опасности» → (б) сема «совершение чего-либо неприятного» → (в) сема «совершение чего-либо плохого» → (г) сема «причинение боли, вреда или беспокойства» → (д) сема «осуществление наказания» → (е) сема «разрушение чего-либо». Характерно, что перечисление сем начинается с семы (а), которая не содержит указания на конкретный способ совершения негативных последствий, в то время как каждая последующая сема «включает» в свой содержательный объем предыдущую сему, конкретизируя способ совершения санкционного воздействия. Показательно, что каждая последующая сема является семантически «объемнее» предыдущей.

Становится очевидным, что предлагаемое иерархическое распределение сем, формирующих представление о возможных негативных проявлениях вербальной угрозы, позволяет говорить о явлении «включенности» или **инклюзивном механизме** интегративного (инвариантного) компонента «наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо» (также об инклюзивном механизме негативных последствий вербальной угрозы), при котором каждая последующая сема включает в свой содержательный объем предыдущую, а вся совокупность взаимодополняющих сем в полном объеме отражает все варианты негативных последствий вербальной угрозы, формируя психосемантическое поле (пространство) угрозы. В частности, принцип работы предложенного механизма заключается в том, что на этапе встречи с той или иной вербальной угрозой языковая личность как когнитивный агент обращается к собственным – во многом субъективным – представлениям о негативных последствиях угрозы (семам), которые структурируются в ментальном пространстве по принципу увеличения интенсивной «глубины» и конкретизации способа негативного воздействия. На следующем этапе языковая личность осуществляет оперирование предлагаемым инклюзивным механизмом негативных последствий вербальной угрозы, позволяющим ей оценить последствия конкретных вербальных угроз, сравнив эти последствия с собственными представлениями (знаниями) о возможном санкционном воздействии вербальных угроз.

Сказанное дает основание полагать, что в условиях социального взаимодействия партнеры по общению – говорящий и слушающий – осуществляют оперирование феноменом вербальной угрозы, ориентируясь на такие – во многом субъективные –

представления о содержательных характеристиках угрозы. Так, языковая личность может оценить прагма-эмоциональное воздействие конкретного высказывания-угрозы, основываясь на имеющемся в ее ментальном пространстве представлении о содержательных характеристиках вербальной угрозы в виде вариантов интегративного компонента «наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо» и их эмоциональном воздействии. Получается, что зафиксированные семантические характеристики вербальной угрозы служат когнитивной основой для оценки эмоционального воздействия высказываний-угроз, а также могут использоваться в ходе толкования того или иного высказывания как высказывания со значением угрозы. Например, предвыборное высказывание-угроза *“That is the only way we can turn our progressive platform into real change for America”* (Clinton, July 28, 2016) формирует у избирателей кратковременные эмоциональные переживания, так как в содержательном объеме такого менасива есть указание на некоторую временную отсрочку в наступлении негативных последствий для избирателей как массового адресата. В свою очередь, предвыборное высказывание-угроза *“This is catastrophic. It will mean more drought, more famine, more rising sea level, more floods, more ocean acidification, more extreme weather disturbances, more disease and more human suffering”* [Sanders 2015] способствует формированию у избирателей интенсивных эмоциональных переживаний, так как автор такой угрозы достаточно подробно описывает складывающуюся негативную ситуацию в стране при помощи разветвленной системы однородных членов предложения.

Таким образом, складывается отчетливое представление о том, что когнитивный агент оценивает прагма-эмоциональное воздействие высказываний-угроз на основе их семантических характеристик и сопоставления этого воздействия с собственными знаниями о воздействующем потенциале вербальной угрозы. Иначе говоря, семантические характеристики вербальной угрозы соотносимы с эмоциональными состояниями участников социальной интеракции, которые (состояния) находятся в диапазоне лингвистического пространства между комфортным и дискомфортным эмоциональным состоянием. При этом, несомненно, что вербальная демонстрация безвыходной для адресата ситуации (сема «разрушение чего-либо») оказывает на него интенсивное прагма-эмоциональное воздействие, в то время как указание адресанта высказывания-угрозы на существование некоторой опасности (сема «источник возможной опасности») не отражает обязательное наступление негативных последствий для объекта каузации и не приводит его к дискомфортным переживаниям. Следовательно, можно полагать, что в когнитивном плане семантические характеристики вербальной угрозы закладывают основу для построения коммуникативного конструкта угрозы, который позволяет структурировать и упорядочить эмоциональные переживания собеседников, формируемые при помощи конкретных проявлений вербальной угрозы – высказываний менасивной направленности.

В русле сказанного важно обратить особое внимание на «неразрывность» связи коммуникативного конструкта угрозы с теми элементами, для описания которых он предназначен» [Романов, Немец 2006]. Так, согласно ряду работ, выполненных в русле коммуникативного конструктивизма [Романов 2016; Романов, Немец 2006; Романов, Новоселова 2021; Романова 2009], можно полагать, что наиболее важными элементами для отражения полученного опыта в виде коммуникативного конструкта угрозы являются модальности Я-адресанта и Я-адресата высказываний-угроз как

когнитивного агента, т.е. многообразные оттенки самовосприятия себя, другого человека или мира дискурсивной реальности. Каждая модальность *Я*, репрезентируя многообразные оттенки самовосприятия языковой личности, имеет определенное местоположение на континууме содержания коммуникативного конструкта [Романов, Немец 2006]. На этом основании на коммуникативном конструкте угрозы можно обозначить модальности *Я*-участников дискурсивного взаимодействия в типовой ситуации «угроза» – *Я*-адресанта и *Я*-адресата высказываний-угроз.

Следует напомнить, что все модальности *Я* когнитивного агента составляют диспозицию, в то время как «диспозиция модальностей *Я* – это одновременная проекция нескольких модальностей *Я* на континуум коммуникативного конструкта» [Романов, Немец 2006: 33]. Характерно, что диспозиция модальности *Я*-говорящего и *Я*-слушающего представляет собой то, что создается в процессе и посредством социальной интеракции, когда отправитель и адресат идентифицируют себя как личности и обозначают свои цели и желания [Романов 2016]. Иными словами, диспозиция модальностей *Я*-адресанта и *Я*-адресата высказываний-угроз формируется в процессе взаимодействия собеседников в типовой ситуации «угроза» и ограничена диапазоном лингвистического пространства между комфортным и дискомфортным состоянием. В этом плане диспозиция становится «действенным элементом (действием-практикой) социально-коммуникативной интеракции и жизненного сценария её участников» [Романов, Немец 2006; Романова 2009: 149–150].

Стоит уточнить, что в рамках настоящего исследования целесообразно учитывать две модальности когнитивного агента – *Я*-реальное (какой *Я* сейчас – после дискурсивной реализации конкретного высказывания-угрозы) и *Я*-воспоминание (каким *Я* был ранее – до момента дискурсивной реализации высказывания-угрозы), так как от проецирования (размещения) указанных модальностей на коммуникативный конструкт угрозы зависит содержательная интерпретация их диспозиций [подробнее о модальностях *Я* в психологии см.: Бернс 1986]. В русле сказанного становится понятным, что при обозначенном подходе к проецированию модальностей *Я* на коммуникативный конструкт угрозы исследование будет направлено на изучение того, как модальности *Я*-адресанта и *Я*-адресата менасивных высказываний изменяют свое местоположение на коммуникативном конструкте угрозы и как в дискурсивной реальности этот процесс отражается на установлении отношений между собеседниками. По этой причине разработка коммуникативного конструкта угрозы будет успешной, если на его континууме содержания будут отражены все возможные диспозиции эмоциональных состояний адресата и адресанты угрозы, формируемые при помощи вербальной угрозы, в иерархическом порядке.

В выбранном ракурсе рассуждений заметим, что «каждая диспозиция модальности *Я* имеет свойство проявляться в когнитивном, обыденном и дискурсивном поведении вполне определенным образом в виде той или иной коммуникативно-дискурсивной практики, в то время как конструктивная манифестационность дискурсивного (вербального и невербального) поведения достаточно точно отражает взаиморасположение модальностей *Я* когнитивного объекта» [Романова 2009: 150]. Поэтому, если одна из модальностей *Я*-адресата изменит свое местоположение на континууме содержания коммуникативного конструкта угрозы под действием менасивных высказываний, способных в силу своих манифестационных и функционально-семантических свойств оказывать различное воздействие на эмоциональное состояние, а также формировать

переживания определенной интенсивности, то такое изменение отразится на вербальном и невербальном поведении адресата угрозы как когнитивного агента. К тому же следует учесть и то, что на реализацию менасивного высказывания в той или языковой форме оказывает влияние модальность адресанта, которая также может изменять свою диспозицию в ходе дискурсивного взаимодействия.

Нетрудно убедиться в целесообразности выявления и систематизации возможных диспозиций Я-адресанта и Я-адресата в коммуникативном пространстве угрожающей интеракции. Поэтому, принимая во внимание то обстоятельство, что «каждая диспозиция жестко привязана к определенному конструкту» [Романов, Немец 2006], появляется возможность проинтерпретировать связи диспозиций менасивного конструкта, осуществив переход от анализа индивидуального сознания к анализу Я-концепции когнитивного агента в перформативном поведении. С этих позиций предстоит рассмотреть коммуникативный конструкт угрозы, который сформирован совокупностью модальностей Я когнитивного агента и представлен в ментальном пространстве языковой личности в виде типового фреймового взаимодействия или фрейма «угроза».

Представляется излишним еще раз напомнить о том, что «одной из главных и универсальных характеристик коммуникативного конструкта является его биполярность» [Романов, Немец 2006], т.е. «коммуникативный конструкт имеет два полюса действительности, проявляющиеся в повсеместном наличии противоположностей [Романов, Немец 2006]. Так, конструкт угрозы – это определенный тип отношений между такими оценочными понятиями контрарного плана, как *комфортное* эмоциональное состояние и *дискомфортное* эмоциональное состояние Я-адресанта и Я-адресата, между которыми существует среднее понятие – *аффицированное* эмоциональное состояние [Романов, Новоселова 2013; 2021], так как высказывания со значением угрозы в силу своих манифестационных и функционально-семантических свойств способны выводить адресата из состояния комфорта и формировать широкий диапазон переживаний.

Контрарность (но не антонимичность в лингвистическом плане) отношений между комфортными и дискомфортными эмоциональными переживаниями Я-адресанта и Я-адресата, а также движение от комфорта к дискомфорту в контексте социального взаимодействия представляется удобным изобразить в виде определенной линии (континуума), направленной от полюса комфорта (от точки К) к полюсу дискомфорта (к точке Д) и проходящей через нейтральную позицию «Без аффекта»:

Диспозиция «Без аффекта» служит когнитивной (мысленной) точкой отсчета аффицированного отрицательного и положительного состояний Я-адресанта и Я-адресата вербальной угрозы. Указанная диспозиция делит континуум содержания менасивного конструкта на две равные части с центром в точке «ноль», т.е. «Без аффекта». При этом, левая часть конструкта соответствует аффицированным положительным переживаниям участников типового фрейма «угроза» (+А), а правая – аффицированным отрицательным (–А).

Представленная ниже схема демонстрирует интерактивно-семантическое отображение возможных диспозиций Я-участников фрейма «угроза» на менасивном конструкте:

Схема № 1

$$K \text{ — } +A \text{ — } 0 \text{ — } -A \text{ — } Д$$

Условные обозначения:

0 – точка отсчета;

A – аффицированное эмоциональное состояние:

+A – положительное;

– A – отрицательное;

K – комфорт;

Д – дискомфорт.

Уместно вновь подчеркнуть, что существует «неразрывность связи конструкта с теми элементами, для описания которых он предназначен» [Романов, Романова 2005; Новоселова 2014], а «каждый элемент коммуникативного конструкта имеет вполне определенное положение на континууме его содержания» [Романов, Немец 2006: 32]. Поэтому при движении по континууму содержания менасивного конструкта слева направо – от точки (K) к точке (Д) – усиливается некомфортность эмоциональных переживаний собеседников, а также возрастает интенсивность прагма-эмоционального воздействия менасивных высказываний на адресата. В частности, в точках +A или –A рассматриваемого конструкта эмоциональное состояние адресата будет аффицированным (положительным или отрицательным соответственно), так как имела место реализация высказывания со значением угрозы, но адресат понимает, что с легкостью может вернуться к комфортному состоянию – к точке K. В свою очередь, в точке (Д) коммуникативного конструкта угрозы адресат будет испытывать дискомфортное или угнетенное состояние, вызванное оценкой возможных негативных последствий.

Необходимо отметить, что коммуникативный конструкт угрозы обладает той особенностью, что «расположению входящих в него конституентов (элементов) присущ *иерархический*, соподчиненный характер» [Романов, Немец, 2006], где могут быть выделены диспозиции пиковых переживаний (K и Д), промежуточные (средние) диспозиции (+A и –A) и нулевая точка или диспозиция («Без аффекта»), которые отличаются друг от друга интенсивной глубиной прагма-эмоционального воздействия вербальной угрозы на Я-адресата, но функционирующие в функционально-семантическом пространстве типового фреймового взаимодействия «угроза». Более того, исходя из свойства континуальности коммуникативного конструкта, представляется правомерным говорить о том, что количество диспозиций Я-говорящего и Я-слушающего можно дополнить путем «прецизной» градации промежуточных диспозиций аффицированного эмоционального состояния, установив соотношение между 6 семантическими характеристиками вербальной угрозы – вариантами интегративного (инвариантного) компонента «наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо» – и возможными диспозициями эмоционального состояния Я-собеседников. В частности, семантические свойства вербальной

угрозы предоставляют достаточные основания для того, чтобы зафиксировать 6 промежуточных диспозиций аффицированного положительного и отрицательного эмоционального состояния *Я*-участников типового фреймового взаимодействия «угроза», а именно 3 диспозиции аффицированного положительного состояния: +3, +2А, +1А и 3 диспозиции аффицированного отрицательного состояния: -1А, -2А, -3А, каждая из которых соотносима с семантическими характеристиками вербальной угрозы. Предлагаемую градацию промежуточных диспозиций *Я*-участников дискурсивного взаимодействия типовой ситуации «угроза» можно отобразить на схеме:

Схема № 2

К ___ +3А ___ +2А ___ +1А ___ 0 ___ -1А ___ -2А ___ -3А ___ Д

Условные обозначения:

- те же (см. выше),
- цифры 1, 2, 3 и -1, -2, -3 обозначают интенсивность прагма-эмоционального воздействия высказывания-угрозы на адресата при движении от точки комфорта к точке дискомфорта (по степени усиления).

Примечательно, что на предлагаемой схеме промежуточные диспозиции *Я*-собеседников расположены в порядке увеличения интенсивной «глубины» их эмоциональных переживаний в рамках типового фрейма «угроза» от +3А до -3А. При этом, несомненно, что варианты интегративного компонента «наступление негативных последствий для кого-либо или чего-либо» (семы) также расположены по принципу увеличения интенсивности проявления негативных последствий для адресата воздействия и детальной конкретизации их содержательного объема. Иначе говоря, чем ниже цифровой показатель промежуточной диспозиции, тем интенсивнее прагма-эмоциональное воздействие вербальной угрозы на адресата и тем «опаснее» оказываются для него негативные последствия высказывания-угрозы. Больше того, каждой промежуточной диспозиции *Я*-говорящего и *Я*-слушающего менасивного конструкта может быть присвоен не только определенный номер, отражающий иерархический характер диспозиций коммуникативного конструкта, но и наименование, содержащее описание эмоционального состояния адресанта и адресата высказывания со значением угрозы.

Следующая таблица фиксирует определенную зависимость между семантическими характеристиками вербальной угрозы (семами), расположенными по принципу увеличения интенсивной «глубины» негативных последствий для адресата воздействия, и их *глубиной воздействия* на эмоциональное состояние участников типового фрейма «угроза», представленной в порядке увеличения интенсивности воздействия на собеседников (коммуникативный конструкт представлен вертикально):

Таблица № 1

Коммуникативный конструкт угрозы

Комфортное эмоциональное состояние (отсутствие переживаний)	К	<i>Комфорт</i>	
Аффицированность (затронутость положительных переживаний, легкая отвлеченность)	+3А	<i>Умиротворение</i> (отсутствие переживаний вообще)	(а) сема «источник возможной опасности»
	+2А	<i>Спокойствие</i> (отсутствие постоянных переживаний)	(б) сема «совершение чего-либо неприятного»
	+1А	<i>Осознание</i> (отсутствие кратковременных переживаний)	(в) сема «совершение чего-либо плохого»
Нейтральность переживаний	0	<i>Без аффекта</i> (точка отсчета, точка «ноль»)	
Аффицированность (затронутость отрицательных, негативных переживаний)	-1А	<i>Испуг</i> (кратковременное переживание)	(г) сема «причинение боли, вреда или беспокойства»
	-2А	<i>Страх</i> (постоянное состояние)	(д) сема «осуществление наказания»
	-3А	<i>Фобия</i> (безвыходное положение, трепет)	(е) сема «разрушение чего-либо»
Дискомфортное эмоциональное состояние (постоянно угнетенное, давящее состояние)	Д	<i>Дискомфорт</i>	

Таким образом, зафиксированный набор возможных (потенциальных) диспозиций эмоционального состояния Я-адресанта и Я-адресата вербальной угрозы позволяет считать, что коммуникативный конструкт есть **функционально-семантическое пространство вербальной угрозы**. На основании сказанного становится

понятным, что практически любая вербальная угроза, реализованная в социальном взаимодействии носителей того или иного языка, представляет собой одну из возможных диспозиций Я-говорящего и Я-слушающего на континууме содержания менасивного конструкта. При таком понимании менасивный конструкт являет собой набор возможных диспозиций эмоциональных состояний – Я-адресанта и Я-адресата высказывания-угрозы. Предлагаемое построение коммуникативного конструкта угрозы демонстрирует, что он сформирован последовательностью высказываний-угроз, реализованных в контексте социальной интеракции и связанных с изменением эмоционального состояния адресата под возможностью наказания, а высказыванием-угрозой можно считать любой из конститuentов конструкта угрозы, входящий в объем континуума содержания «комфорта – дискомфорта» и связанный с каузацией адресата вербальной угрозы к совершению каких-либо действий под упоминанием возможных негативных последствий.

Выводы

Коммуникативный конструкт угрозы выступает в качестве когнитивного инструмента, базиса или способа истолкования, при помощи которого носитель языка может оценивать высказывания-угрозы, способные в силу своих манифестационных и функционально-семантических свойств оказывать различное воздействие на эмоциональное состояние собеседников и формировать у них переживания определенной интенсивности: от аффицированного состояния, характеризующегося «затронутостью» положительных или отрицательных переживаний, до ощущения дискомфорта. Разработка коммуникативного конструкта угрозы позволила определить лингвистические параметры содержательного (семантического) пространства вербальной угрозы в условиях социального взаимодействия, а также зафиксировать в этом пространстве набор отдельных элементов, формирующих представление о вербальной угрозе в ментальном пространстве языковой личности как когнитивного агента.

При этом следует иметь в виду, что разработка коммуникативного конструкта не исключает некоторой субъективности в оценке вербального поведения участников социальной интеракции и их эмоциональных переживаний, однако предлагаемый когнитивный инструмент позволяет системно и *в одной плоскости* взглянуть на прагма-эмоциональное воздействие вербальных угроз. Более того, рассмотрение вербальных проявлений угрозы как коммуникативного конструкта позволит оценить не только интенсивность воздействия высказываний-угроз на участников социальной интеракции, но и откроет широкие возможности для интерпретации направлений оказываемого воздействия в рамках типового сценария угрозы.

© Романов А.А., Новоселова О.В., 2021

Литература

- Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001. 512 с.
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 367 с.
- Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2016. 328 с.

Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: «Алетейя», 1999. 207 с.

Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: сб. статей / Пер.с англ. А.М. Корбута. Минск: БГУ, 2003. 232 с.

Изард К.Э. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб: Издательство «Питер», 1999. 464 с.

Касавин И.Т. Дискурс-анализ и его применение в психологии // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 97–119.

Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 182 с.

Колианский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М. Наука, 1984. 175 с.

Новоселова О.В. Функционально-семантическая интерпретация менасивных топонимов в социальной интеракции // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2014. № 35. С. 68–77. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 23.03.21)

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. 5-е изд. СПб.: Питер, 2004. 160 с.

Риман Ф. Основные формы страха. М.: Алетейя, 1999. 336 с.

Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. 183 с.

Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. М.-Тверь, 1991. С. 82–100.

Романов А.А. Грамматика деловых бесед. Тверь: «Фамилия», «Печатное дело», 1995. 240 с.

Романов А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 4. С.1–35. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 23.03.21)

Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. М.: URSS (ЛЕНАНД), 2020. 264 с.

Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. М.: ИЯ РАН, 2006. 144 с.

Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). Москва-Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. 168 с.

Романов А.А., Новоселова О.В. Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. М.: Флинта, 2021. 440 с.

Романов А.А., Романова Л.А. Перформативные речевые акты в парадигме социального конструкционизма // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер.: «Акмеология образования». 2005. Т. 11, № 2. С. 26–36.

Романов А.А., Романова Л.А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней. М.: Институт языкознания РАН, «Агросфера» Тверской ГСХА, 2009. 156 с.

Романов А.А., Романова Л.А. Мимесис перформативного знания о функционировании естественно-языковых практик // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2011. № 2. С. 66–71. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 23.03.21).

Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004. 253 с.

Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. М.: ИЯ РАН; Тверь: Агросфера ТГСХА, 2008. 172 с.

Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты перформативов в функциональной парадигме языка. М.: ИЯ РАН, 2009. 180 с.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 166 с.

Солсо Р. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996. 600 с.

Сорокин Ю.А. Лингвокультурная среда: контакты и конфликты. М.: ИЯ РАН; Тверь: Агросфера ТГСХА, 2009. 118 с.

Улановский А.М. «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 279–298.

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.

Шюц А. Смысловая структура повседневной жизни. М.: Ин-т фонда «Общественное сознание», 2003. 336 с.

Beck G. Sprechakte und Sprachfunktionen. Tübingen: Niemeyer, 1980.

Langacker R.A. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p.

Nowak R. Greizen der Sprachanalyse. Tübingen: Narr. 1981.

Romanov A., Novoselova O. Threatening strategy in pre-election discourse // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. Vol. 102. NININS. P. 703–710. DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.88.

Watzlawick P. Die erfundene Wirklichkeit. München: Piper Verlag, 1981.

Wittgenstein L. Philosophical investigations. New York: Macmillan, 1953.

Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen // Linguistische Pragmatik. Wiesbaden: Athenaion, 1975. P. 5–58.

Источники

Sanders B. 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. 26th May, 2015. URL: <http://www.4president.org> (дата обращения 26.04.2015).

Collins W. The Woman in White. URL: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения 23.03.21).

Dickens C. Oliver Twist. URL: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения 23.03.21).

Dreiser T. Jennie Gerhardt. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au> (дата обращения 23.03.21).

Словари

CACD – Cambridge Academic Content Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 23.03.21).

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения 23.03.21).

OAAD – Oxford Advanced American Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения 23.03.21).

WNWCD – Webster's New World College Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 23.03.21).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.05.2021

Дата принятия к печати: 22.06.2021

Сведения об авторах:

Романов Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета

Контактная информация:

170904, Россия, г. Тверь, ул. Маршала Василевского (Сахарово), д. 7

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0905-4921>

e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Новоселова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии

Контактная информация:

170904, Россия, г. Тверь, ул. Маршала Василевского (Сахарово), д. 7

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4501-986X>

e-mail: olvnov@mail.ru

Для цитирования:

Романов А.А., Новоселова О.В. Лингвокогнитивный анализ конвергентного пространства конструкта угрозы // Вопросы психолингвистики №2 (48) 2021, С. 96–117. doi 10.30982/2077-5911-2021-48-2-96-117

UDC 81.42+324

LBC 81+66.04

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-96-117

Research article

LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS OF CONVERGENT SPACE OF THE THREAT CONSTRUCT

Alexey A. Romanov

Tver State Agricultural Academy, Tver State University, Tver, Russia

Olga V. Novoselova

Tver State Agricultural Academy, Tver, Russia

Abstract

The article is devoted to the communicative construct of threat as a cognitive tool, basis or method of interpretation helping a speaker to evaluate threat statements which are capable form different effects on interlocutors' emotional state and form their feelings of certain intensity. The communicative threat construct makes it possible to determine the limological parameters of the semantic space of verbal threat in the context of interlocutors' social interaction and fix in this space the meaningful elements that form the idea of verbal threat in cognitive agents' mental space.

The study shows that the communicative construct of threat includes a number of statements in a form of language social practices realized in the process of discursive interaction and associated with a change of addressee's emotional state in the content continuum from disposition "comfortable state" to disposition "uncomfortable state". The set of speaker's and listener's possible dispositions of the emotional state forms the functional and semantic space of verbal threat making it possible to assert that almost any utterance with the meaning of threat is one of the *I*-speaker's and *I*-listener's possible dispositions on the content continuum of menasive construct, while a menasive construct is a set of *I*-speaker's and *I*-listener's possible dispositions of emotional states. The use of a communicative construct of threat opens up possibilities for interpreting the effect of threats, and the results of this study can be used to predict the pragmatic effect of threats on a single or mass addressee. Considering of verbal manifestations of threat as a communicative construct makes it possible to evaluate not only the intense depth of the pragmatic effect of threats in social interaction, but also to interpret the directions of this effect within the framework of a typical threat scenario.

Keywords: verbal threat, menasive statements, communicative construct of threat, pragmatic effect, emotional state

References

- Beck, G. (1980) *Sprechakte und Sprachfunktionen*. Tübingen, Niemeyer.
- Berkovic, L. (2001) *Agressija: prichiny, posledstviya i kontrol'* [Aggression: causes, consequences and control]. Saint Petersburg, Prajm, EVROZNAK publ. 512 p. (in Russian).
- Berns, R. (1986) *Razvitie Ja-koncepcii i vospitanie* [Self-concept development and education]. Moscow, Progress publ. 367 p. (in Russian).

Derrida, Zh. (1999) *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlja* [Voice and phenomenon and other works on Husserl's sign theory]. Saint Petersburg, «Aletejja» publ. 207 p. (in Russian).

Dzherdzhen, K. Dzh. (2003) *Social'nyj konstrukcionizm: znanie i praktika* [Social constructionism: knowledge and practice]. Translated from English by Korbuta, A.M. Minsk, BGU publ. 232 p. (in Russian).

Frejd, Z. (1989) *Vvedenie v psihoanaliz* [Introduction to psychoanalysis]. Moscow, Nauka publ. 456 p. (In Russian).

Gergen, K. Dzh. (2016) *Social'naja konstrukcija v kontekste* [Social construction in context]. Xarkov, Gumanitarnyj Centr. 328 p. (in Russian).

Izard, K. Je. (1999) *Psihologija jemocij* [The psychology of emotions]. Saint Petersburg, Piter publ. 464 p. (in Russian).

Kasavin, I. T. (2007) *Diskurs-analiz i ego primenenie v psihologii* [Discourse analysis and its application in psychology]. *Voprosy psihologii*. (6), 97–119. (in Russian).

Kelli, Dzh. (2000) *Psihologija lichnosti. Teorija lichnyh konstruktov* [Psychology of Personality. Personal construct theory]. Saint Petersburg, Rech' publ. 182 p. (in Russian).

Kolshanskij, G. V. (1984) *Kommunikativnaja funkcija i struktura jazyka* [Communicative function and structure of language]. Moscow, Nauka publ. 175 p. (in Russian).

Langacker R.A. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol.1. Stanford, Stanford University Press. 516 p.

Novoselova, O.V. (2014) *Funkcional'no-semanticheskaja interpretacija menasivnyh toponomov v social'noj interakcii* [Functional and semantic interpretation of menasive toponomes in social interaction]. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. (35), 68–77. URL: www.tverlingua.ru (Accessed 23th March 2021) (in Russian).

Nowak, R. (1981) *Greizen der Sprachanalyse*. Tübingen, Narr.

Paducheva, E.V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in vocabulary semantics]. Moscow, Jazyki slavyanskoj kul'tury. 608 p. (in Russian).

Piazhe, Zh. (2004) *Geneticheskaja jepistemologija* [Genetic epistemology]. Saint Petersburg, Piter. 160 p. (in Russian).

Riman, F. (1999) *Osnovnye formy straha* [Basic forms of fear]. Moscow, Aleteja. 336 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1988) *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogičeskogo obshhenija* [System analysis of the regulatory means of the dialogical communication]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR. 183 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1991) *Illokutivnye znanija, illokutivnye dejstvija i illokutivnaja struktura dialogičeskogo teksta* [Illocutionary knowledge, illocutionary actions and the illocutionary structure of the dialogical text]. In: *Tekst v kommunikacii* [Text in communication]. Moscow-Tver', Institut jazykoznanija AN SSSR, pp. 82–100. (in Russian).

Romanov, A.A. (1995) *Grammatika delovyh besed* [Business Conversation Grammar]. Tver', Familija, Pechatnoe delo. 240 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2016) «Okno diskursa» kak reguljativnyj mehanizm rasprostranenija i vnedrenija «virusnoj» informacii: dva podhoda k probleme [«Window of discourse» as a regulative mechanism of dissemination and implementation of «viral» information: two

approaches to the problem]. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. (4), 1–35. URL: www.tverlingua.ru (In Russian). (Accessed 23th March 2021).

Romanov, A.A. (2020) *Lingvopragmaticheskaja model' rechevogo upravlenija dialogom: sistemnyj analiz s primerami iz russkogo i nemeckogo jazykov* [Linguopragmatic model of speech dialogue: system analysis with examples from Russian and German]. Moscow, URSS (LENAND). 264 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Nemec, N.G. (2006) *Diskurs uteshenija: Lingvopsihologicheskij analiz* [Consolation discourse: linguistic psychological analysis]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR. 144 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2013) *Diskurs ugrozy v social'noj interakcii (funkcional'no-semanticheskij analiz)* [Discourse of threat in social interaction (functional-semantic analysis)]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR, Tver', Tverskaja GSHA publ. 168 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2021) *Menasivnye konstrukty predvybornoj diskursii: lingvokognitivnyj analiz materialov programm prezidentskoj kampanii 2018 goda* [Menasive constructs of pre-election discourse: linguo-cognitive analysis of materials from the 2018 presidential campaign programs]. Moscow, Flinta. 440 p. (in Russian).

Romanov A.A., Romanova, L.A. (2005) *Performativnye rechevye akty v paradigme social'nogo konstrukcionizma* [Performative speech acts in the paradigm of social constructionism]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova. Ser.: «Akmeologija obrazovanija»*. (11), 26–36. (in Russian).

Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2009) *Pritjazhenie performativa. Oчерки po teorii performativnosti ot Dzh. L. Ostina do nashih dnei* [The attraction of the performative. Essays on the theory of performativity from J.L. Austin to the Present]. Moscow, Institut jazykoznanija RAN publ, «Agrosfera». 156 p. (in Russian).

Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2011) *Mimesis performativnogo znanija o funkcionirovanii estestvenno-jazykovyh praktik* [Mimesis of performative knowledge in the functioning of natural language practices]. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. (2), 66–71. URL: www.tverlingua.ru (In Russian). (Accessed 23th March 2021).

Romanov, A. A., Sorokin, Ju. A. *Somatikon: Aspekty neverbal'noj semiotiki* [Somatikon: aspects of non-verbal semiotics]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR. 253 p. (in Russian).

Romanov, A. A., Sorokin, Ju. A. (2008) *Verbo-i psihosomatika: dve karty chelovecheskogo tela* [Verbo and psychosomatics: two maps of the human body]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR; Tver', Agrosfera TGS HA publ. 172 p. (in Russian).

Romanov, A., Novoselova, O. (2021) Threatening strategy in pre-election discourse. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. (102), 703–710. DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.88.

Romanova, L.A. (2009) *Strukturno-semanticheskie aspekty performativov v funkcional'noj paradigme jazyka* [Structural and semantic aspects of performatives in the functional paradigm of the language]. Moscow, Institut jazykoznanija AN SSSR. 180 p. (in Russian).

Shjuc, A. (2003) *Smyslovaja struktura povsednevnoj zhizni* [The semantic structure of everyday life]. Moscow, Obshhestvennoe soznanie. 336 p. (in Russian).

Simonov, P. V. (1981) *Jemocional'nyj mozg* [Emotional brain]. Moscow, Nauka. 166 p. (in Russian).

Solso, R. (1996) *Kognitivnaja psihologija* [Cognitive psychology]. Moscow, Trivola. 600 p. (in Russian).

Sorokin, Ju.A. (2009) *Lingvokul'turnaja sreda: kontakty i konflikty* [Linguocultural sphere: contacts and conflicts]. Moscow, Institut jazykoznaniya AN SSSR, Tver', Agrosfera TGSNA Publ. 118 p.

Ulanovskij, A.M. (2010) «*Novaja paradigma*» social'nyh nauk: linii razvitiya sovremennogo konstruktivizma [New paradigm "of social sciences: lines of development of modern constructivism]. In: *Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy* [Social epistemology: ideas, methods, programs]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitacija, pp. 279–298. (in Russian).

Watzlawick, P. (1981) *Die erfundene Wirklichkeit*. München, Piper Verlag.

Wittgenstein, L. (1953) *Philosophical investigations*. New York, Macmillan.

Wunderlich, D. (1975) *Zur Konventionalität von Sprechhandlungen*. Linguistische Pragmatik. Wiesbaden, Athenaion, pp. 5–58.

Sources

Sanders B. 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. May 26, 2015. URL: <http://www.4president.org> (Accessed 23th March 2021)

Collins W. *The Woman in White*. URL: <http://www.gutenberg.org> (Accessed 23th March 2021)

Dickens C. *Oliver Twist*. URL: <http://www.gutenberg.org> (Accessed 23th March 2021)

Dreiser T. *Jennie Gerhardt*. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au> (Accessed 23th March 2021)

Dictionaries

CACD – *Cambridge Academic Content Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (Accessed 23th March 2021).

OAAD – *Oxford Advanced American Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (Accessed 23th March 2021).

LDCE – *Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoceonline.com> (Accessed 23th March 2021).

WNWCD – *Webster's New World College Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed 23th March 2021).

©Romanov A.A., Novoselova O.V., 2021

Article history:

Received: 26.05.2021

Accepted: 22.06.2021

Bionotes:

Alexey A. Romanov – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of Department of the Theory of Language and Intercultural Communication, Tver State Agricultural Academy, Professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics, Tver State University

Contact information:

170100, Russia, Tver, 33, Zhelyabovast.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0905-4921>

e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Olga V. Novoselova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Tver State Agricultural Academy

Contact information:

170904, Russia, Tver, Sakharovo, 7, Marshala Vasilevskogo St.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4501-986X>

e-mail: olvnov@mail.ru

For citation:

Romanov, A.A. & Novoselova, O.V. Linguocognitive Analysis of Convergent Space of the Threat Construct. *Journal of Psycholinguistics*. 2 (48), pp. 96–117. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-96-117 (in Russian)